Ю.М.Иванов

РУССКАЯ ВЕРСИЯ МАРКСИЗМА - ВЕРСИЯ ДЕКЛАССИРОВАННОЙ ДЕРЕВЕНСКОЙ БЕДНОТЫ

Москва, 2008

Особенность исторического развития России - формальное приспособление господствовавшего в Европе марксизма к нуждам движения деклассированных крестьянских масс. В широких масштабах оно обнаружилось во время нечаевского процесса 70-х гг. XIX в. Позднее нечаевские принципы развивались Лениным и его единомышленниками, проверявшими их на практике в годы военного коммунизма.

Хотя с тех пор прошло свыше 100 лет, очищение ведущих положений учения Маркса и Энгельса от бедняцко-крестьянских трактовок до сих пор остается одной из актуальных задач русской философской мысли, ибо незаконченность такого очищения искажает картину социальных изменений в годы военного коммунизма.

В 1951 г. Институт философии Академии наук СССР опубликовал судьбоносный сборник “Вопросы Диалектического материализма”. В те счастливые для руководства Института времена все выводы его публикаций с благословения ЦК партии считались судьбоносными, обязательными к неукоснительному руководству для всех, кто занимался аналогичными проблемами. Среди материалов сборника в качестве ключевой была опубликована статья тогдашнего кандидата философских наук, позднее члена-корреспондента АН СССР А. П. Спиркина “Проблема ощущений в ленинской теории отражения”. В статье доказывалось, что звук, цвет, запах и т. д. существуют per se вне человека, что они не зависят от его органов чувств. На несогласных вешалось клеймо идеалиста.

В ранг последних попал и автор этих строк, написавший диплом, опровергавший выводы спиркинской статьи. В дипломе не было ничего заслуживающего внимания. Обычная школярская работа того времени, каких тогда было великое множество. Выводы А. П. Спиркина опровергались преимущественно ленинскими и сталинскими цитатами, сводившими дискуссию к состязанию в знании высказываний Маркса, Ленина и Сталина. С этой точки зрения полемика между мной и Спиркиным вполне отвечала жестким требованиям ЦК.

Мое преступление с точки зрения партийного руководства заключалось не в том, как доказывалось, а в том, что доказывалось, ибо мои цитаты опровергали официальную установку сборника. В то время письма в ЦК ВКП(б), попытки опубликовать открытое письмо в журнале "Большевик" в лучшем случае становились предметами сурового осуждения партийных чинуш, в худшем - обвинениями во вражеских происках. Об этом открыто заявлял профессор МГУ Георгиев, отождествлявший меня с заклейменным в Кратком курсе истории ВКП(б) Рюмшиным, который пытался самостоятельно изучать марксизм, не считаясь с официальными партийными указаниями. В итоге всю полемику со Спиркиным пришлось снять. За диплом была поставлена тройка. Неблагонадежность автора не вызывала сомнения. От занятий философией он был отлучен.

Сегодня этот эпизод можно было бы давно забыть наряду с другими, несомненно, заслуживающими большего внимания событиями полувековой давности, если бы не одно но: все высказывания Ленина, а для многих и Сталина по вопросам теории познания и границ использования диалектической логики до сих пор считаются марксистскими, хотя к подлинному марксизму имеют мало отношения. Написанные Лениным теоретические выкладки - всего лишь марксистские задворки, изображенные под углом видения деклассированных масс.

На опасность появления в Интернационале подобных течений указывал Маркс. После суда над С. Г. Нечаевым, которого Ленин вместе с единомышленниками называл "титаном революции" и последовавшей "величественной", по ленинским словам, попыткой его соратника Ткачева захватить власть[1], Маркс вновь указал на враждебность Интернационалу нечаевского движения. В августе 1873 года он писал: "Основатели и представители рабочих организаций Старого и Нового Света, создававшие Общий устав Товарищества Рабочих, упустили из виду, что сама широта его программы позволяет деклассированным элементам проникнуть в него и создать внутри тайные организации, усилия которых будут направляться не против буржуазии и существующих правительств, а против самого Интернационала. Так и произошло с Альянсом

[1] Цит. Пейн Р. Ленин. Жизнь и смерть. М., 2003. С. 31; Ленин В. И. Что делать? Т. 6. С. 173.

социалистической демократии (самопровозглашенной С. Г. Нечаевым организации)".[2]

Марксово предвидение сбылось. В годы Первой мировой войны Ленин делал все от него зависящее, чтобы развалить учрежденный Энгельсом второй Интернационал и создать на его месте третий - Интернационал деклассированных масс, призванный его основателями стать главным рычагом в борьбе за коммунизм во всемирном масштабе.

В роду Ленина не было деклассированных. Напротив, он был сыном генерала, получившего поместье за верную службу царю. Тем не менее, разрабатывая любой вопрос, Ленин постоянно учитывал чаяния деклассированных масс, полагая, как и его любимец Ткачев, что они, "обладая инстинктами коммунистов", "постоянно готовы к революции", что они будут инициаторами свержения самодержавия и физического уничтожения всей царской семьи. Иначе говоря, Ленин теоретически обосновывал коммунистичность установок деклассированных крестьян[3].

В данном случае сказалась закономерность, открытая Марксом. "Не следует думать, - писал он, - что все представители демократии - лавочники или поклонники лавочников. По своему образованию и индивидуальному положению они могут быть далеки от них, как небо от земли. Представителями мелкого буржуа делает их то обстоятельство, что их мысль в состоянии не переступать тех границ, которые не переступает жизнь мелких буржуа, и потому теоретически они приходят к тем же самым задачам и решениям, к которым мелкого буржуа приводит его материальный интерес и его общественное положение. Таково и вообще отношение между *политическими и литературными представителями* класса и тем классом, который они представляют".[4]

Почти до самой смерти Ленин постоянно теоретически обосновывал несовместимость с коммунизмом рынка и присущего ему имущественного неравенства частных лиц. К подобному неприятию рынка на собственном опыте приходили и разорявшиеся в условиях товарно-денежных отношений крестьянские массы.

[2] Маркс К. Т. 17. Заявление Генерального совета по поводу злоупотреблением Нечаевым именем Интернационала. С. 440.
[3] Энгельс Ф. Эмигрантская литература. С. 236.; С. 259. Маркс К. и Энгельс Ф. Т.XV. М., 1935.
[4] Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта. Т. 8. С. 148.

В течение веков методы обработки ими земли и ухода за скотом практически не менялись, оставаясь сферой хозяйственных решений, где не было места для применения диалектики с ее относительностью истины и заблуждения. В своей повседневной жизни они руководствовались формально логическими построениями "да-да", "нет-нет", не сомневаясь в своей абсолютной правоте. Этот присущий деревенской бедноте понятийный аппарат еще до Ленина был освоен С. Г. Нечаевым, манипулировавшим им в своих интересах. Эту же линию продолжал Ленин.

"О том, насколько глубоким было влияние Нечаева на Ленина, - пишет Р. Пейн, - мы можем судить по его поступкам, по образу его мыслей и даже по оборотам его речи. В течение многих лет Ленин изучал нечаевское наследие и так проникся его духом, что порой ощущал себя почти Нечаевым. От своих близких друзей соратников он никогда не скрывал, как многим он обязан его идеям. В беседе с Владимиром Бонч-Бруевичем, тогда управделами Совета Народных комиссаров, другом и спутником его жизни, Ленин часто называл Нечаева "титаном революции", его восхищало, что Нечаев "умел свои мысли облачить в такие потрясающие формулировки, которые оставались памятны на всю жизнь".[5]

Среди завещанных Нечаевым и Ткачевым принципов видное место занимала ложь. "Все средства годны для борьбы, - пишет о Бакунине и Ткачеве П. Лавров. В эти *годные* средства они включили обман товарищей по делу, обман народа, которому они будто бы служили.... организуя в то же время самую решительную тайную диктатуру, приучая приверженцев к самому овечьему бессмысленному повиновению, как будто социальную революцию могла произвести комбинация эксплуататоров и эксплуатируемых, группа людей, отрицающих на каждом шагу на деле то, что они проповедуют на словах!"[6]

Когда нужно, когда выгодно, полагал Ленин, следует решительно обманывать всех. По словам художника Анненкова, Ленин утверждал: "Говорить правду - это мелкобуржуазный предрассудок. Ложь, напротив, часто оправдывается целью".[7] В этой же связи многие декреты ленинского совнаркома не публиковались. Их скрывали от народа. Для Ленина диктатура пролетариата была властью, опирающейся не на демократические законы, а непосредственно на насилие против подавляющего большинства российского народа.

[5] Пейн Р. Ленин, Жизнь и смерть. М., 2002. С. 31.

[6] Цит. П Лавров Русская социально-революционная молодежь... Эмигрантская литература. Т. XV. С.238-239.

[7] Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001. С. 56.

27 января 1918 г. Ленин подписал основной закон о социализации земли, отвечавший ожиданиям деклассированных крестьянских масс. В законе указывалось, что право пользоваться землей принадлежит лишь тем, кто ее обрабатывает собственным трудом", то есть лишал права тех, кто сдавал либо приобретал землю в аренду или привлекал к ее обработке сторонних лиц; торговля хлебом объявлялась государственной монополией, запрещавшей его куплю-продажу частными лицами; наконец, объявлялось, что земля первоочередно предоставляется тем, кто желает на ней работать не для извлечения личных выгод, а для общественной пользы, подразумевая совместный труд в крупных общественных хозяйствах. Тем самым контуры аграрного строя периода военного коммунизма обрели четкий законодательный характер.[8] Его неотъемлемой частью стал официальный отказ российских коммунистов от сотрудничества с социал-демократами, политика которых строилась с учетом рыночных отношений. Отныне официально признанная партия стала называться Российской коммунистической партией большевиков - РКП(б).[9]

Труд Ленина "Материализм и эмпириокритицизм"- единственная его крупная работа, посвященная философским проблемам - появилась в связи с дискуссией среди ленинских единомышленников по поводу книг Маха и Авенариуса, в которых в противовес метафизическому материализму с его формальной логикой доказывалась необходимость сознательного использования диалектических решений в познании окружающего нас мира. Сам Ленин лишь формально признавал диалектику, оставаясь сторонником метафизического материализма, пропагандировавшегося Людвигом Фейербахом.[10]

Наиболее тщательно место последнего в истории немецкой философии было изучено Ф. Энгельсом в работе "Л. Фейербах и конец классической немецкой философии с приложением: К. Маркс тезисы о Фейербахе". Данная работа для нас представляет двоякий интерес. С одной стороны, она раскрывает роль Л.

[8] См. Хроника России. XX век . Слово/slovo М., 2002. С. 232.

[9] См. там же. С. 233.

[10] Энгельс Ф. Людвиг Фейербах... М., 1951.

Фейербаха в крушении немецкого идеализма; с другой, - показывает особенности философских взглядов Л. Фейрбаха и его влияние, которое он был способен оказывать на крестьянских революционеров.

В работе отмечается, что Л. Фейербах с его книгой "Сущность христианства" был посредствующим звеном между философией Гегеля и позднее возникшим марксизмом. Во времена Ленина марксизм уже давно оформился в качестве признанного международного движения, тем не менее, для Ленина было удобнее, не борясь в открытую с принципами марксизма, пропагандировать нечаевские представления свержения самодержавия. Этому способствовало и то, что Фейербах все больше окрестьянивался, проживая в деревенском захолустье.[11]

И у Фейрбаха, и у Ленина процесс познания окружающего мира одинаково сведен к деятельности абстрактного индивида. Говоря словами Ленина, "наши ощущения, наше сознание есть лишь *образ* внешнего мира";[12] что они копии, снимки, "зеркальные отображения вещей".[13] Но "зеркальное отображение вещей" означает, что вне наших ощущений существует нечто им подобное, являющееся истиной в последней инстанции. При таком подходе не остается места для диалектики чередования абсолютных и ложных представлений, обусловленных существованием бесчисленных конечных форм материи, развивающихся по восходящим и нисходящим линиям.

Кстати о "зеркальности" наших ощущений: потребовалось триста лет неустанных поисков выдающихся умов мировой науки прежде, чем данная в наших ощущениях геоцентрическая система могла смениться гелиоцентрической.

Познание общественный процесс. Сведение его к деятельности абстрактного индивида, ограничивающегося поисками абсолютных истин, неизбежно ведет к ложным выводам, в частности, к утверждениям о том, что неорганическая материя обладает "ясно выраженной способностью ощущения"[14]; что пространство и время ограничены только тремя измерениями. Не вписываются в ленинские схемы и такие выводы, что весной сумма "ночь + день" длиннее суммы "день + ночь". При таких подходах материализм вообще утрачивал

[11] Там же. С. 20.
[12] Ленин В. И. Материализм и эмпириокритицизм. Критические заметки об одной реакционной философии. Изд. второе. Т. XIII С. 56.
[13] См. там же. С. 190.
[14] Там же С. 37.

способность что-либо познавать, сводясь к перечню тривиальных истин.

"Кто здесь погонится за окончательными истинами в последней инстанции, - пишет по аналогичному поводу Энгельс, - за подлинным вообще неизменным, тот немногим поживится... И тогда быть вполне уверенным, этот друг человечества заявит нам при первом удобном случае, что все прежние фабриканты вечных истин были в большей или меньшей степени ослами и шарлатанами, что все они находились во власти заблуждений, что все они ошибались и что их заблуждения и их ошибки вполне естественны и служат доказательством, что все истинное и правильное имеется только *у него;* у этого новоявленного пророка, имеется в руках в совершенно готовом виде окончательная истина в последней инстанции, вечная мораль, вечная справедливость".[15] Именно такого признания борцами с самодержавием добивался для себя Ленин.

Утверждая, что истинное знание зеркально отражается его органами чувств, Ленин обосновывал неоспоримость своих суждений, рассчитанных на преследование всех инакомыслящих, включая духовенство. Что касается упоминания им таких категорий, как диалектическая логика, общественная практика как критерий истины и т. д. то это были не более чем показные рассуждения, обусловленные данью абстрактного признания бесконечного существования конечных форм материи.

Самого же Ленина интересовали, прежде всего, земные предметы, порожденные существованием "первичных" форм материи: электроника, атомы, молекулы и т.д. – в цепи их восхождения либо упадка. Такой предметный подход Энгельс называл метафизическим материализмом, не требовавшим диалектического анализа череды истины и заблуждения. Последний поменялся отделением в ходе практики абсолютно истинного от явно ошибочных заблуждений. Зато тот, кто этим занимался, становился обладателем истины в последней инстанции, которой обязаны были следовать все не хотевшие оставаться ослами и шарлатанами.

"А у половины, - пишет Ленин, - (= философского идеализма), конечно, есть *гносеологические* корни, она не беспочвенна, она есть *пустоцвет,* бесспорно, но, растущий на живом дереве живого, плодотворного, истинного, могучего, всесильного, объективного, абсолютного, человеческого

[15] Энгельс Ф. Антидюринг. Т. 20. С. 90. 91.

познания".[16] Эти утверждения неверны. Философский идеализм отнюдь не пустоцвет. Его сторонники внесли и продолжают вносить весомый вклад в развитие науки. Выделение абсолютного для них - лишь побочный момент человеческого познания, где истинное постоянно становится заблуждением и наоборот.

Ярким примером этого может служить Кант, опиравшийся на диалектические методы исследования. "Итак, - пишет Энгельс, - точное представление о вселенной, о ее развитии и о развитии человечества, равно как и об отражении этого развития в головах людей, может быть приобретено только диалектическим путем, при постоянном внимании к общему взаимодействию между прогрессивными изменениями и изменениями регрессивными. И в этом именно духе выступила сразу же новейшая немецкая философия. Кант начал свою научную деятельность с того, что он превратил Ньютонову солнечную систему... в исторический процесс: в процесс возникновения солнца и всех планет из вращающейся туманной массы. При этом он уже пришел к тому выводу, что возникновение солнечной системы предполагает и ее будущую неизбежную гибель".[17] Кант, используя диалектику, искал счастье познания на небе, Ленин со своими единомышленниками, пользовавшимися формально-логическими выкладками, искали счастье познания на земле, воплощавшееся в политике военного коммунизма. Возникавшими на этой почве дискуссиями руководил Ленин, никогда не выпускавший, по выражению Валентинова, "дирижерской палочки из своих рук".[18]

Как известно, массовое деклассирование крестьян под воздействием рынка началось в России еще в период существования крепостного права, суть которого сводилась к тому, что производитель, будучи прикрепленным к земле, отдавал ее владельцу прибавочный продукт.

В этой связи особый интерес представляет описанная Пушкиным обстановка складывавшаяся в русской деревне в начале XIX века. «По поручению помещика, - пишет Пушкин, - управляющий, растопыря ноги наподобие буквы хера, разделил "крестьян на богачей и бедняков. 1) Недоимки были разложены меж зажиточных мужиков и взыскаемы с них со всевозможной

[161616] Ле5нин В. И. К вопросу о диалектике. Т. XIII. С. 304.

[17] Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. М., 1952. С. 51-52.

[18] Ленин, которого мы не знали. Саратов, 1991. С. 50.

строгостью. 2) Недостаточные и празднолюбивые гуляки были немедленно посажены на пашню, если же по его расчету труд их оказывался недостаточным, то он отдавал в батраки другим крестьянам, за что сии платили ему добровольную дань, а отдаваемые в холопство имели полное право откупаться, заплатя сверх недоимок двойной годовой оброк. Всякая общественная повинность падала на зажиточных мужиков. Рекрутство же было торжеством корыстолюбивому правителю, пока, наконец, выбор не падал на негодяя или разоренного... Сверх того завел нечаянные сборы».[19] В итоге в три года Горюхино совершенно обнищало.

Тенденция изъятия прибавочного продукта с зажиточных на одном полюсе и раскрестьянивания на другом с разной степенью интенсивности продолжалась вплоть до падения самодержавия. С приходом к власти большевиков во главе с Лениным и Троцким дышавшие на ладан старые крепостные порядки превратились в большую силу. По закону отрицания в изменившейся социальной обстановке они обрели новое качество. Частные нормы изъятия прибавочного продукта у имущих крестьян были ликвидированы. Их место заняли государственные поборы, взимавшиеся военизированными отрядами, чему еще до прихода к власти большевиков способствовало "распространение принципов военной организации на трудовые классы общества".[20] Помещика либо его заместителя теперь сменила захватившая государственную власть большевистская клика. Это понимали крестьяне, утверждавшие, по данным сводок ГПУ, что "советская власть грабит и угнетает крестьянина".

В отличие от него наемный рабочий - продавец своей рабочей силы. В связи с этим, - писал Маркс, - он должен был быть свободным двояко. С одной стороны, свободным от средств производства, с другой, свободным распоряжаться своей личностью, продавая себя там, где имеется спрос. Созданный же по замыслу Ленина и Троцкого социальный строй лишил и личной свободы производителя и изъял у него средства производства. Прежние отношения найма наполнились новым крепостническим содержанием. Их основой стало грубейшее насилие. Производителю запрещалось покидать место жительства, чтобы заставить его трудиться, безоговорочно

[19] Пушкин А. С. История села Горюхина // Пушкин А.С. Романы. Повести. Драматические произведения. Фрунзе, 1975. С. 121

[20] Богданов А. Вопросы социализма. М., 1918. С. 78.

следуя требованиям властей. В наиболее законченном виде эти отношения воплощались в концентрационных лагерях.

Когда все отношения зиждутся на насилии, для свободы и равенства нет места. Они могут существовать лишь в условиях рынка. "Обмен меновыми стоимостями, - пишет Маркс, - представляет собой производительный, реальный базис *всякого равенства* и *всякой свободы*. Как чистые идеи равенство и свобода представляют собой всего лишь идеализированные выражения обмена меновыми стоимостями".[21]

Социальной опорой правящей верхушки был не пролетариат, условием существования которого был "обмен меновыми стоимостями", а деклассированная деревенская беднота, существовавшая преимущественно за счет продовольственных излишков, изымавшихся подчистую у имущих крестьян. За счет этих излишков она могла удовлетворять лишь самые примитивные потребности. "Бедняцкая часть деревни, - писал Ю. Ларин, - освобождена была от тяжести продразверстки. Бедняцкая часть деревни при недостатке лошадей и орудий бесплатно пользовалась рабочим скотом и инвентарем более зажиточных крестьян. Бедняцкая часть деревенских хозяйства, не отчуждая ничего от продуктов своего хозяйства (ибо не было избытков - на то она и бедняцкая), все же в порядке снабжения, хоть и немного получала от наркомпрода: мануфактуру, соль и еще кое-что".[22] Как правильно отмечает Л. Крицман, "государственный продуктообмен был не столько обменом между промышленностью и сельским хозяйством, сколько обменом продуктов промышленности на услуги бедноты в деле извлечения продуктов имущих слоев деревни".[23]

Чего не могли добиться большевики, так это заставить бедноту за скудную продовольственную пайку систематически трудиться в создаваемых ими общественных хозяйствах. Бедняки по-прежнему руководствовались лишь нуждами сиюминутного потребления. Заботиться о завтрашнем дне у них не было ни возможности, ни желания. Поэтому все, что поступало в их распоряжение, либо немедленно потреблялось и пропивалось, либо бесхозяйственно расходовалось.

Установка работать как можно больше, потребляя продовольствия как можно меньше, для Ленина и Троцкого была особенно дорога. Она сводила жизнь производителя к примитивному животному состоянию, определяемому насыщенностью желудка. Подобное состояние противоречило, азам, отстаиваемым марксизмом. Изучая рынок, Маркс писал: "В качестве безудержного стремления к всеобщей форме богатства капитал гонит труд за пределы, обусловленные природой потребностей рабочего, и тем самым создает материальные элементы для развития богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении".[24] Таким образом, по Марксу, не *животные*, а порожденные рынком *социальные потребности* служили предпосылкой для создания в будущем коммунистического изобилия материальных и культурных благ.

Забирая все без остатка, большевики имели в своем распоряжении меньше зерна, чем Временное правительство, оставлявшее крестьянам часть хлеба для продажи. В 1917 г. Временное правительство заготовило 517 млн. пудов хлеба, в то время как большевики с октября по август 1918 года несмотря на жесточайшие репрессии, включавшие расстрелы, сумели заготовить лишь 30 млн. пудов, посадив подвластное городское население на голодный продовольственный паек.[25]

При том продовольственном пайке, который получали рабочие, они были обречены на вымирание. По оценке врачей того времени, труд ткача, прядильщика, токаря и т. д. требовал 3400 калорий в день, труд землекопа, кузнеца и т. п. еще больше.[26] Калорийность же получаемого ими продовольственного пайка равнялась всего 1170 калорий, а для членов семьи на половину меньше. Лишь в одном Петрограде за 1919 год. "только от голода умерли не менее 7385 чел.. В это число не вошли умершие от желудочных и прочих заболеваний, вызванных голодом. Скончалось почти половина детей в возрасте до года".[27]

Рабочие отказывались умирать во имя провозглашенных большевиками квазикоммунистических идеалов. В ответ им была объявлена настоящая война. В сентябре 1918 года Ленин гневно заявил, что горстки, группы, слои рабочих "упорно

[21] Маркс К. Т. 46. Ч. 1. С. 191.
[22] Ларин Ю. Вопросы крестьянского хозяйства. М., 1923. С. 13.
[23] Крицман Л. Пролетарская революция и деревня М.-Л., 1929. С. 104.

[24] Маркс К. Экономические рукописи 1957-1959 гг. Т. 46. Ч. 1. С. 282.
[25] См. Ракетов А. Очерк экономического и финансового положения современной России по офиц. данным. Ревель, 1921. С. 35.; Революция и народное хозяйство России (1917-1921) Лейпциг, 1922. С. 124.
[26] Струмилин С. Г. Проблемы экономики труда. М., 1957. С. 215.
[27] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата", октябрь 1917- 1929. Экономические конфликты и политический протест. Спб., 2000. С. 14.

держатся традиций (привычек капитализма) и продолжают смотреть на советское государство по-прежнему: дать "ему" работы поменьше и похуже - содрать с него денег побольше. Разве мало таких мерзавцев, хотя бы среди наборщиков советских типографий, сормовских и путиловских рабочих и т. д?".[28] Борьбу наемных рабочих за улучшение своего положения большевики поставили вне закона.

Пользуясь мизерностью расходов на продовольствие, власти целенаправленно снижали зарплату рабочих фабрик и заводов. Во вторых полугодиях в товарных рублях она равнялась в 1917 году 13,8, в 1918 году - 4,4, в 1919 году - 0,99, в 1920 году - 0,51. Заметим, что в 1913 году среднемесячный реальный заработок текстильщика, который целиком состоял из "товарных рублей", по данным ЦСУ был 17 руб., у металлиста - 35,9 руб.[29]

В то время как гигантское большинство жителей России было обречено на вымирание, у "строившей коммунизм" правящей верхушки корзина личного потребления была изобильной. "Излишки" изымались не только в виде пшеницы и ржи, из которых лишь толика доставалась населению. В 1918/19 хозяйственном году разверстка была установлена на хлеб и мясо, в заготовительную кампанию 1919/20 года на картофель, масло, яйца, скот и домашнюю птицу. На стол рабочих масло, яйца, домашняя птица и т. п., естественно, не попадали. Зато они входили в регулярный рацион большевистского управленческого аппарата. У его высшего звена икра была повседневным продуктом питания. По свидетельству жены Троцкого Натальи Ивановны Седовой, "Красной кетовой икры было в изобилии... Этой неизменной икрой окрашены не в моей только памяти первые годы революции".[30] Как здесь не вспомнить замечание М. Е. Салтыкова Щедрина, писавшего: "Ныне доказано, что тела всех вообще начальников подчиняются тем же физиологическим законам, как и всякое другое человеческое тело, но не следует забывать, что в 1762 году наука была в младенчестве"[31].

Но не икрой единой наслаждался "заслуженный" человек. Ему предоставляли реквизированные у населения квартиры и дачи, персональный транспорт, в том числе автомобили,

[28] Ленин В. И. О характере наших газет. Т. 37. С. 90-91.
[29] Струмилин С. Г. Заработная плата и производительность труда в русской промышленности в 1913-1922. М., 1923. С. 9, 18.
[30] Цит. по: Арутюнов Аким Досье Ленина без ретуши. М., 1999. С. 312.
[31] Салтыков - Щедрин М. Е. Я люблю Россию до боли сердечной. М., 1975. С. 19.

которым можно было бесконтрольно пользоваться для своих личных нужд[32], лучшую одежду и обувь, сытные продовольственные пайки, в том числе совнаркомовские (их получали 10 тыс. ответственных работников). В его распоряжении были закрытые столовые, буфеты и т. д.

По заявлению Ленина, руководитель должен был быть "диктатором во время работы".[33] Возникшая сверху донизу иерархия властных должностей с максимальными привилегиями ее высших звеньев способствовала росту ориентации партийцев не на обсуждение предлагавшихся политических задач, а "на того или иного Сидора Петровича, власть имущего" со своими верхами и низами. "Верхи - те, кто "у власти", "низы" - те, кто к ней стремится".[34] На вершине иерархии такой Сидор Петрович, раздавая властные должности, обладал неограниченной властью, которой мог позавидовать любой самодержец.

Диктаторские полномочия открывали их обладателям широкий простор для беспробудного пьянства и насильственного принуждения к сожительству, чему способствовала страшная бесхозяйственность, позволявшая безнаказанно присваивать государственное имущество. Как известно, рынок, строгий учет и контроль неотделимы. Там же, где основу составляет административное распределение потребительных стоимостей, и то, и другое невозможно. "Данными ревизии военно-обмундировочных мастерских в Москве, - заявил, например, Крыленко, - обнаружено полное отсутствие учета материалов на сотни миллионов аршин, неправильность расчетов с контрагентами, отсутствие наблюдений за фабриками, умышленная порча тканей, неправильное шитье вещей в целях вызвать браковку, чтобы иметь возможность продать вещи на стороне по спекулятивным ценам, присвоение материалов и полное расстройство всего аппарата снабжения".[35]

[32] См. Тезисы ЦК РКП(б) о мобилизации индустриального пролетариата, трудовой повинности, милитаризации хозяйства и применении воинских частей для хозяйственных нужд. Девятый съезд РКП(б). Протоколы. М., 1960. С. 556.
[33] Ленин В. И. Т. 36. С.201.
[34] Юрьев И. Наши настроения (вопросу о преодолении элементов упадка в РКП) Курск, 1920. С. 13.
[35] См. Иванов Ю. М. Очерки теории и практики тоталитарного социализма. М., 1997. С. 60.

Подобные расхищения происходили не только на виду Кремля, но и в самых отдаленных уголках страны, куда устремлялось недремлющее око представителя партийно-государственного аппарата. Вот что писал по этому поводу видный деятель прокрестьянской партии революционных коммунистов А. М. Устинов: “В комбеды входит голытьба, деклассированные элементы деревни, всякие перекати поле... Эта теплая компания, ничего за душой не имеющая, кроме сознания полноты власти, отправляется походом на хозяйственные элементы деревни, на всех тех, у кого хоть что-нибудь есть. При этом не щадятся и трудовые хозяйства: расхищаются скот и мертвый инвентарь, всех видов самые ничтожные запасы продуктов; растаскивается и проматывается все и вся, идет не создание ценностей а их уничтожение”.[36]

“Калинин, выступая на митинге 10 августа 1920 года заявил: большинство товаров на спекулятивный рынок поступает из государственных продовольственных органов”[37], т. е. разбазаривается властями в целях своего личного обогащения.

Появлявшиеся на рынке товары как промышленного, так и продовольственного назначения, будучи предметами разбазаривания и незаконного обогащения властей, способствовали глубокому упадку промышленного производства и сельского хозяйства. В 1920 году выплавка чугуна составила 1,5% мирного времени, выпуск продукции текстильной промышленности 4%, металлической 2,5%. Одновременно имущие крестьяне, чтобы уменьшить поборы, сокращали посевы. По сравнению с довоенным временем они сократились почти наполовину (на 44%)[38], что создало дополнительные трудности в снабжении городов продовольствием.

Опираясь на деклассированные слои, большевики не могли достичь тех вершин форсированного производства, о котором они постоянно твердили на каждом шагу. Еще меньше у них оказалось возможностей присваивать в возраставших размерах прибавочную стоимость для дальнейшего увеличения ее производства. Ее хватало только для бесхозяйственного личного

[36] Цит по Павлюченков С. Я.Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997. С. 72

[37] Дмитренко В. П. Советская экономическая политика в первые годы пролетарской диктатуры. Проблемы регулирования рыночных отношений. М., 1986. С. 167.

[38] Народное хозяйство в 1920 г. и первую половину 1921 г. М., 1921. С. 6.

потребления. В это время Бухарин писал: “Мы *создадим* такую цивилизацию, пред которой капиталистическая цивилизация будет выглядеть так же, как выглядит “собачий вальс” перед героическими симфониями Бетховена”. [39] На деле цивилизация деклассированных так и не вышла за рамки “собачьего вальса”.

Изобилие потребления на одном полюсе, голод, нищета, вымирание на другом могли соседствовать только в обстановке жесточайшего террора. Чтобы заставить голодных трудиться в течение непомерно длинного рабочего дня, большевики применяли наиболее репрессивное трудовое законодательство, которого до них человечество еще не знало. Так в декабре 1918 года был введен в действие “Кодекс законов о труде”, установив в стране трудовую повинность вместе с ликвидацией свободы предложения труда. Согласно положению СНК о рабочих дисциплинарных судах от 14 ноября 1919 года “в случае упорного нежелания подчиниться товарищеской дисциплине “виновные” как нетрудовой элемент подлежат увольнению из предприятий с передачей в концентрационный лагерь”.[40] Дела о лицах, нарушавших трудовую дисциплину или “саботировавших” хозяйственную жизнь республики, передавались в ЧК. Таких лиц заключали в концентрационные лагеря на срок до 5 лет.[41]

В резолюции IX съезда РКП(б) 1920 г. указывалось: “Ввиду того, что значительная часть рабочих в поисках лучших условий продовольствия, а нередко в целях спекуляции, самовольно покидает предприятия, переезжает с места на место, чем наносит удары по производству”, съезд видит одну из насущных задач “в планомерной, систематической, настойчивой борьбе с трудовым дезертирством, в частности, путем опубликования штрафных дезертирских списков, создания из дезертиров штрафных рабочих команд и, наконец, заключения их в концентрационный лагерь”.[42]

Штрафные рабочие команды, концентрационные лагеря и другие меры подобного порядка большевики считали непременным условием *осуществления своих коммунистических идеалов*. Неслучайно Ленин полностью солидаризировался с Бухариным, утверждавшим, что “пролетарское принуждение во всех формах, начиная от

[39] Цит по : Павлова И. В. Механизм власти... С. 123.,

[40] Документы трудового энтузиазма. М., 1960. С. 11, 12.

[41] Голинков Л. Д. Крах вражеского подполья. М., 1971. С. 215.

[42] ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть 1. 1898-1925. М., 1936. С. 344.

расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как не парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи".[43]

Спасаясь от голода и преследований, громадные массы городского населения хлынули в деревню, пополняя ряды деклассированной бедноты. "К 1919 году - пишет Л. Крицман, - численность промышленных рабочих сократилась на миллион человек, а города потребляющей полосы опустели наполовину, столицы еще больше. Этот отлив из города выявился в деревне в виде возвращения "отсутствующих" в хозяйства, в которые между 1917 и 1919 годах вернулось по разным губерниям от 60% всего их числа до 80% и выше".[44]

К августу 1920 года численность населения Петрограда сократилась до уровня 60-х годов XIX века.[45] Сокращение численности городского населения, а то и уничтожение городов - характерная черта прихода к власти деклассированных крестьянских масс, обладавших по заверениям Нечаева и Ткачева инстинктивными склонностями к коммунизму.

У Маркса и Энгельса не было сомнений в том, что судьба коммунизма решается *в городах*; у Ленина и его последователей - *в деревне.*

Кроме насилия у большевиков не было иных средств воздействия на деклассированную молодежь. Его ведущей формой была мобилизация в армию, откуда та постоянно дезертировала. "По данным высшей военной инспекции, - пишет С. А. Павлюченков, летом 1919 года насчитывалось около одного миллиона дезертиров, уклонившихся от военного призыва".[46] Проев и пропив все, что им доставалось после сбора осеннего урожая, они начинали грабить ссыпные пункты, куда свозился конфискованный хлеб. Такой грабеж был своеобразной формой аграрного бандитизма, возникшего на почве порожденной большевиками продразверстки. Весной они возвращались

[43] Бухарин Н. Экономика переходного периода. Часть 1. Общая теория трансформационного процесса. М., 1920. С. 146; Ленинский сборник XL. М., 1985. С. 424.

[44] Крицман Л. Героический период великой русской революции (опыт анализа т. н. "военного коммунизма"). м., 1924. С. 215.

[45] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата", октябрь 1917-1929. Экономические конфликты и политический протест СПБ., 2000. С. 15.

[46] Павлюченков С. А. Власть и массы. М., 1997. С. 81.

домой, чтобы хоть что-то вырастить на своих участках, откуда их вновь призывали в армию.

В течение зимы на них в лесах шла настоящая охота. Хорошо вооруженные отряды чекистов расстреливали пулеметами сотни дезертиров, у которых обычно было лишь несколько берданок и гранат, остальных тысячами принуждали сдаваться с тем, чтобы направить в запасные полки, где их почти не кормили, спать оставляли в продуваемых помещениях на холодном полу, а в качестве обуви нередко выдавали лапти. В казарме их приучали к военной дисциплине, вооружив несколькими винтовками при полном отсутствии патронов.

Если же такие полки направлялись на фронт, то многие из бывших дезертиров, экипировавшись и вооружившись в боях за счет противника, оставались преданно служить. Армия давала возможность усваивать зачатки грамоты, не задумываясь, исполнять и отдавать приказы, усваивать революционные лозунги, с тем, чтобы вступать в компартию, получая доступ к командным должностям. В итоге многие служившие в Красной Армии становились проводниками политики коммунистов.

Наиболее решительными и последовательными борцами против большевистского режима были рабочие фабрик и заводов. Примером для них был Петроград, на долю которого по данным Истпрофа в 1919 году приходилось 63% зарегистрированных в РСФСР забастовщиков.[47] Как указывал Калинин, выступая на заседании ВЦИК 23 октября 1919 г., "самое контрреволюционное настроение в Советской республике господствует в ее столицах и тех местностях, куда массами бежали столичные рабочие, спасаясь от голода".[48]

Так, 10 марта 1919 года путиловцы единогласно приняли резолюцию, в которой выдвигались требования передачи всей власти свободно избранным, уничтожения чрезвычаек, отмены казней и пыток, восстановления свободы слова, печати, собраний, всеобщего вооружения народа и т. п.[49] Эти требования были не только требованиями рабочих Петрограда, но и требованиями рабочих масс других городов.

Чтобы усмирить протестовавших на территорию фабрик и заводов вводились подразделения чекистов и курсантов, сформированные, прежде всего, из латышей и китайцев, которые производили расстрелы и массовые аресты. Подавляя

[47] Питерские рабочие и "диктатура пролетариата... С. 14.

[48] Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России... С. 147.

[49] Там же. С. 148.

выступления рабочих масс, большевики опирались в основном на аппарат насилия, не имевший связей с протестовавшим населением. Доносительство о его настроениях было прямой обязанностью всех коммунистов. Ленин учил, - писал его ближайший соратник Г. С. Гусев, - что "каждый член партии должен быть агентом ЧК, т. е, смотреть и доносить. Если мы от чего страдаем, то это не от доносительства, а от недоносительства".[50]

Расстрелы и аресты были не в состоянии погасить волну протестов рабочих фабрик и заводов. Об этом свидетельствует, в частности, циркуляр ВЧК № 5 от 1 июля 1920 г. "О борьбе с антисоветскими партиями". В циркуляре подчеркивалось, что "Изнуренный и малосознательный рабочий и крестьянин, не дождавшись скорого улучшения своего материального положения, начинает выказывать свое недовольство, выражая его в забастовках и восстаниях".[51] Только по официальным данным, за этот год в Петроградской, Московской и 16 других губерниях было 146 забастовок.

С прекращением гражданской войны и исчезновением угрозы реставрации царизма поднялась новая волна публичных протестов и восстаний против режима военного коммунизма. Их застрельщиками были рабочие. Известное кронштадтское восстание в значительной степени было инициировано также рабочими, с которыми матросы не только постоянно общались в Кронштадте и Питере, но имели жен фабричных работниц. Рабочие требовали созыва Учредительного собрания, изгнания из советов коммунистов, свободы торговли, отмены привилегированных пайков partактива. На протяжении всех лет военного коммунизма их требования оставались неизменными. В выступления вовлекались армия и флот.

По воспоминаниям Е. Преображенского, Ленин, собрав на X съезде старых большевиков, говорил: "Мое мнение, что у нас только один шанс спасти Советскую власть из ста, и это возможно только тогда, когда мы будем абсолютно едины во взглядах".[52] При этом Ленин наверняка помнил, как в марте 1918 г. ему вместе с правительством пришлось тайно бежать из

[50] Яковлев А. Н. Вступление//Куруа С., Верт Н., Панне Ж., Пачковский А., Бартошек К., Марголин Ж. Черная коммунизма книга. Преступления, террор, репрессии. М., 1999. С. 30.
[51] Трудовые конфликты в советской России 1918-1929 гг. М., 1998. С. 151.
[52] Цит. Цакунов С. В. В лабиринте доктрины. М., 1994. С. 38.

Петрограда в Москву, так как рабочие вместе с моряками балтфлота пытались захватить Смольный - штаб квартиру большевиков.

На подавление восстания были брошены участники съезда и курсанты. Как известно, 18 марта оно было подавлено. Начались аресты и расстрелы. За свои страхи утратить власть Ленин мстил разоруженным морякам. "Когда мятеж был подавлен, матросов-мятежников выстроили на молу в Кронштадте. Была команда рассчитаться на первый-второй. Нечетные сделали шаг вперед и были расстреляны тут же на молу, а четные получили по десять лет".[53]

Требования рабочих выражали глубинные национальные нужды. Они совпадали с требованиями измученного крестьянства. Крестьяне поднимали восстания в Тамбовской, Саратовской, Самарской и других губерниях европейской России, уничтожая с не меньшей, чем у большевиков жестокостью коммунистов и их приспешников. Но как все крестьянские восстания, они, так или иначе, были разрозненны. Их участники тяготели к своим деревням и волостям. Это давало возможность большевистским карательным отрядам поочередно подавлять очаги восстания, используя по указанию Ленина помимо пушек и пулеметов огнеметы и отравляющие газы. С лица земли сметались деревни вместе со стариками, женщинами и детьми.

Тем не менее, лишенный рынка и демократических институтов строй военного коммунизма, несмотря на беспрецедентный разгул кровавого террора, оказался нежизнеспособным. Нежизнеспособными оказались и прошлые попытки приспосабливать марксизм в прежнем виде к нуждам деклассированных верхов. Политика партии переживала острейший кризис, выразившейся в появлении двух основных течений. Одно полагало, что трудности временны и все снова вернется на круги своя, для чего требуется упрочить положения клики Сталина. Другое во главе с Лениным и Троцким пыталось преобразовать жизнь в России, следуя в известной мере западноевропейским образцам.

В 1922 году Ленин был болен. Написанные им заметки лапидарны. В них нет призывов разрушить все созданное в годы военного коммунизма. Вместе с тем ответы на поставленные вопросы ломали привычные военно-коммунистические трафареты. В частности Ленин доказывал, что путь немецкой демократии может считаться образцовым, с "некоторыми

[53] Шаламов В. Вишера. Антироман. М., 1989. С. 18.

поправками (совершенно незначительными с точки зрения всемирной истории)"[54], подчеркивая тем самым, что диктатура пролетариата должна как-то использовать западноевропейский демократический потенциал.

Важными были и другие заявления Ленина. Так в статье "О кооперации" он на основе проклинавшихся им же в прошлом рыночных связей предлагал, превратить частные хозяйства крестьянских товаропроизводителей в составную часть общественного производства, организованного на кооперативных началах. Его оппоненты, группировавшиеся вокруг Сталина, в качестве ведущей аграрной ячейки видели колхозы, призванные существовать в условиях, не выходивших за рамки эмбриональных рыночных отношений.

Наконец, Ленин предпринял попытки реформировать ЦК с тем, чтобы в нем было больше его собственных сторонников. На его стороне был непререкаемый авторитет, на стороне Сталина - реальная власть, обладавшая властными полномочиями. В развернувшейся борьбе сталинская тактика строилась на политической изоляции Ленина. Ссылками на врачебные предписания ему запрещалось писать, общаться со своими единомышленниками, обсуждать с ними политические проблемы и. т. д. По указанию Сталина Ленина систематически доводили до беспомощного физического состояния до тех пор, пока он не умер. Для этого не обязательно требовались специальные яды. Достаточно было, например, изменять дозы предписанных врачами лекарств. Об отравлении Ленина Сталиным писал и Троцкий в статье опубликованной за 10 дней до его смерти.[55]

Смерть Ленина прервала начавшийся процесс пересмотра военно-коммунистических трафаретов в свете наработок основоположников марксизма. Достигнутые ими результаты осмысления исторического материализма, диалектической теории познания в противовес метафизическому материализму и т. д. сохраняют значимость и в наши дни особенно в связи с незавершенной борьбой с марксистской версией деклассированных крестьянских масс. В этой связи особый интерес представляет работа Ф. Энгельса "Развитие социализма от утопии к науке", где впервые классическим марксизмом была

[54] Ленин В. И. О нашей революции. По поводу записок Н. Суханова.Т. 45 С. 379.

[55] См. Иванов Ю. М. Чужой среди своих (Последние годы жизни Ленин М., 2000.

раскрыта связь русского самодержавия с дворянским землевладением и ростом разорения крестьян, обусловленного развитием "капиталистического паразитизма".

"В Европейской России, - пишет Ф. Энгельс, - крестьяне владеют 105 миллионами земли, дворяне (как я называю здесь для краткости крупных землевладельцев) - 100 миллионами десятин, из которых почти половина принадлежит 15000 дворян, имеющих, таким образом, в среднем по 33000 десятин каждый... Крестьяне - в массе своей -благодаря выкупу оказались в чрезвычайно бедственном, совершенно невыносимом положении. У них не только отняли большую и лучшую часть их земель, так что даже в самых плодородных областях империи крестьянской земли - по русским земледельческим условиям - оказалось слишком мало, чтобы на ней можно было прокормиться. Они не только должны были уплатить за эту землю непомерно высокую цену, которую авансировало им государство и они вынуждены теперь постепенно выплачивать государству вместе с процентами".[56]На этой почве, - подчеркивает Энгельс,- в сельское хозяйство устремляется ростовщик, усугубляя и без того бедственное положение крестьян.

Размышления Энгельса были первичным анализом, заслуживающим продолжения изучения аграрных отношений в России конца XIX века. Они писались в 1874-1875 гг. Через 30 лет в 1908 году была опубликована брошюра Ленина "Аграрный вопрос в России к концу XIX века". В ней рассматривались те же вопросы, приводились те же цифры без упоминания того, что их первооткрывателем был Энгельс. Вместе с тем предстоящее крушение пережитков крепостничества и самодержавия трактовались авторами по- разному. Ленин считал, что начало положит революция низов в деревне, где все уже якобы созрело для свержения царизма, Энгельс же утверждал, что началом будет мирный переворот верхов. "Эту революцию, - писал он, - начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса".[57] Такая точность прогноза, сбывшегося более, чем через 30 лет, дорого стоит.

Она неразрывно связана с отказом от прежних наработок основоположников марксизма во имя строгого учета отсталых

[56] Энгельс Ф. Эмигрантская литература. Т.XV. С. 254-255.

[57] Энгельс Ф. Эмигрантская литература... С. 264.

аграрных отношений, сложившихся в русской деревне. В обстановке изучения пережитков крепостничества апробированные марксистской практикой рыночные выводы становились ложными, что потребовало использования дотоле неизвестных статистических выкладок.

Для заметок